

Дело техники

История науки ждет своих Шекспиров

Деловой завтрак

Юрий Медведев , Аркадий Колыбалов, фото , Сергей Минабутдинов, видео

Какие "белые пятна" в истории науки и техники открыли рассекреченные документы? Как сделать науку привлекательной для широкой публики? Об этом шел разговор с гостем редакции Юрием Батуриным - членом-корреспондентом РАН, летчиком-космонавтом, Героем России, директором Института истории естествознания и техники РАН. Сегодня этой научной организации исполняется 80 лет.

Говорят, что самая непостоянная наука - это история. Ее постоянно переписывают. В какой мере история науки страдает этим недостатком?

Юрий Батурин: Думаю, в гораздо меньшей, чем история стран. Хотя и она небезгрешна. Напомню старый советский анекдот. На международном конгрессе по истории техники докладывает представитель одной из стран: "На археологических раскопках в культурном слое 60-х годов XIX века нашли проволоку. Значит, уже в те времена в нашей стране был проволочный телеграф". Представитель другой страны заявляет: "Мы исследовали слой ниже и тоже нашли проволоку, то есть у нас проволочный телеграф был несколько раньше!" Берет слово советский историк: "Мы углубились еще ниже и проволоки там не обнаружили. Это означает, что уже в то время мы пользовались беспроводным телеграфом. Кстати, царь Иван Грозный говорил боярам: я вас насквозь вижу! Это к тому, что в программе заявлен доклад немецкой делегации о Рентгене".

Видео: Сергей Минабутдинов

всем. Была и подтасовка, и даже фальсификация. Но никакого сравнения с тем, что происходит в истории стран, которая по политическим и идеологическим соображениям многократно переписывается. Говоря попросту, паровоз не "перепишешь" в пароход, хотя оба работают на пару. Кроме того, наука интернациональна по самой своей сути. Да, какая-то страна может переписать тот или иной эпизод в истории науки и техники в своих интересах, но каков результат? Будете плавать в своей заводи со своей версией, но потеряете куда больше, поскольку окажетесь выпавшими из основного русла мировой науки. Но с другой стороны, история науки и техники не столько переписывается, сколько дополняется и уточняется, потому что постоянно обнаруживаются новые документы, рассекречиваются архивы.

Кстати, сейчас раскрываются многие аспекты "лунной гонки". Более того, появились данные, что марсианский проект Королева "угробили" сознательно.

Юрий Батурин: Надо сказать, что к 50-летию полета Юрия Гагарина вышло много сборников, где опубликованы ранее засекреченные документы. Все ли раскрыто? Конечно, нет. Ведь космонавтика изначально была связана с военными приготовлениями. Поэтому процесс рассекречивания идет, может быть, не так быстро, как многим хотелось бы, но идет.

Что же касается марсианской программы, то, думаю, вообще нельзя говорить, что какую-то программу специально "угробили". Была конкуренция главных конструкторов, и каждый доказывал, что его вариант самый лучший. Конкуренция прежде всего за деньги, которых на всех никогда не хватает. В этой борьбе в ход шли самые разные средства. Скажем, Владимир Челомей заполучил в свое КБ сына Никиты Хрущева, сразу дал ему хорошую должность и через него в своих интересах воздействовал на первого человека в стране. Вот такая была конкуренция. Она работала, пока Хрущева не сняли, и вся конструкция поддержки рухнула.

А как ваш институт пишет историю космонавтики? Он учитывает все факторы? Или просто описывает проекты, их научно-техническую суть?

Юрий Батурин: Очень важный вопрос. История развития техники настолько многогранна, что ее надо глубоко рассматривать с многих сторон. И здесь нужны самые разные специалисты, ведь нет таких универсалов, которые сильны во всех областях. Поэтому одна группа ученых изучает сугубо научно-технические аспекты, другая - социальные, социологические, психологические, третья - экономические. И конечно, рассматриваются чисто человеческие отношения между главными конструкторами. Но силы института ограничены, мы просто физически не можем охватить такой огромный круг проблем. У нас даже не хватает специалистов, чтобы изучить весь открытый на сегодня объем архивных документов по космонавтике. Поэтому привлекаем энтузиастов, которые с нами активно сотрудничают.

За каждым открытием стоит драма идей, а за каждым выдающимся ученым тоже стоит своя драма. Бывают такие сюжеты, по сравнению с которыми театральные пьесы кажутся вялыми

Лауреат Нобелевской премии Петр Капица говорил, что за каждым

- сложнейшая задача. "Переводчиком" должен быть высококлассный специалист, иначе вместо драмы получится в лучшем случае нечто наукообразное и нудное, а в худшем - комедия. Кто сегодня берется за такие "переводы"?

Юрий Батурин: За каждым открытием действительно стоит драма идей, а за каждым выдающимся ученым тоже стоит своя драма. Именно они для биографов-научковедов - настоящий подарок. Потому что разбираться в этой драматургии необыкновенно интересно. Там бывают такие сюжеты, по сравнению с которыми многие театральные пьесы кажутся серыми и вялыми. Поэтому история науки и техники ждет своих Шекспиров. Но, увы, их много не бывает. К этой вершине надо стремиться, и она всегда имеется в виду, когда наши ученые готовят то или иное издание.

У института есть здесь серьезные достижения. Могу назвать книгу Бориса Кузнецова "Эйнштейн", переведенную на многие языки мира. Сейчас готовим "Золотую серию", в которую войдут лучшие работы института за все годы его существования. Там есть настоящие жемчужины, которые, уверен, станут откровением для всех, кто интересуется наукой. Что касается лучших работ института за последнее время, то это, конечно, собрание сочинений Ломоносова, изданное к 300-летию великого ученого. Уже вышло восемь томов, два на подходе.

Юрий Михайлович, вы широко известны в России как космонавт и журналист. А вот пост директора института для подавляющего большинства будет откровением. Институт, мягко говоря, остается в тени, о нем как-то не слышно. Хотя тематика самая выигрышная.

Юрий Батурин: Вы в чем-то правы. С институтом связаны имена Владимира Вернадского, Николая Вавилова, а также Сергея Вавилова, имя которого институт носит сегодня, первым директором после восстановления института в 1944 году стал тогдашний президент АН СССР Владимир Комаров. Настоящий взлет был в 70-80-х годах, когда институт был в центре внимания ученых, с ним согласовывали важнейшие вопросы, запрашивали экспертные оценки. А затем кризис 90-х, который ударил по всей российской науке, и, может быть, в первую очередь по этому институту. Ведь он не выдает на-гора инновации, здесь нет лабораторий. Но он не только пишет историю науки и техники, он делает лицо науки и техники привлекательным. Что не менее важно, чем созданные в лабораториях разработки. Ведь это имидж науки в глазах и молодежи, и налогоплательщика. Мне кажется, сейчас общество начинает понимать эту простую истину.

Моя задача - вернуть институту то положение и авторитет, которые он имел в 70-80-е годы. Ставка прежде всего на молодежь, стараюсь всячески ее поддерживать. Она первой откликается на нововведения, что вполне естественно. Но у нас много ученых, кто работает в институте десятилетиями, они обладают огромным запасом уникальных знаний. Правда, кризисные годы, когда думали, по сути, только о том, как выжить, притушили инициативу людей. Ее надо разбудить. К счастью, у ученых есть "слабое" место: их можно увлечь новой идеей. Когда на Ученом совете ее предлагаешь, то вначале полное молчание. А дня через три кто-то обязательно приходит: пожалуй, вот это интересно, мы возьмемся. Не сразу встречают "ура, давайте делать", а

прикидывают, оценивают. Скажу честно, сдвинуть всех - а у нас большая машина, с петербургским филиалом две сотни научных работников - сразу не удастся. Кто-то еще работает по-старому. Но важно, что тех, кто готов к переменам, все больше.

Назовите хотя бы некоторые новинки.

Юрий Батурин: В частности, мы создали Центр виртуальной истории науки и техники, где делаем интерактивные приложения и фильмы в формате 3D, скажем, стыковку космических кораблей или эксперимент "Плазменный кристалл", который проводится на МКС. Начали делать галерею 3D-портретов выдающихся ученых. К счастью, успели сделать уникальный фильм с Борисом Чертоком, уже договорились с Жоресом Алферовым и Борисом Патоном. Крайне важно помимо сугубо научных публикаций по истории науки и техники выпускать научно-популярные серии. Это одна из важнейших задач нашего института.

не юбилейный мотив

Юрий Батурин:

Наш институт расположен в здании, построенном не для людей, в большинстве комнат нет даже окон. Дело в том, что дом был предназначен для вычислительного центра Института прикладной математики. Более того, здание не сдано в эксплуатацию, нас нет ни для почты, ни для милиции. Его нам предоставила РАН, когда ситуация в старом здании в Старопанском переулке стала критической. И вот несколько лет живем на птичьих правах.

Вообще все, что происходило с институтом за 80 лет, на мой взгляд, в определенной степени отражение судьбы его первого директора, Николая Бухарина, с ее взлетами и трагедией. Одно время заместителем директора была Валерия Голубцова, жена Георгия Маленкова. И, по сути, под нее рядом с Кремлем нашли это здание. Говорят, чтобы могла к мужу в Кремль ходить обедать.

Во времена "золотого тельца" в здании решили сделать VIP-гостиницу, мэрия Москвы приняла распоряжение выселить социально значимые организации, в том числе наш институт, и предоставить им равноценные помещения. Первое сделано немедленно, а второе не выполняется годами. При этом за все эти годы никакой гостиницы и ничего другого так и не построили. Ценнейшее здание в центре города не используется. А я уже второй год не могу попасть к мэру Сергею Собянину, чтобы объяснить ситуацию и рассказать о том, в каких условиях работают ученые и как в подвале складирована ценнейшая библиотека, которой не могут пользоваться исследователи ни из нашей страны, ни зарубежные. Только получаю отписки от его замов. Вот так мы встречаем юбилей.

Справка "РГ"

Институт истории науки и техники был создан 28 февраля 1932 года, первым директором назначен Николай Бухарин. После его ареста институт в 1938 году был закрыт. В 1944 году академики Вернадский и Зелинский обратились к президенту АН СССР Комарову с просьбой восстановить институт истории науки. И вскоре Совнарком принял решение создать такой институт в составе Академии. А в 1953 году он был преобразован в Институт истории естествознания и техники.

Опубликовано в РГ (Федеральный выпуск) N5715 от 28 февраля 2012 г.